

ВЕРОЯТНО,
всем, кто в
эти недели в Ле-
нинграде или
Москве побывал на «Фаусте»
Гамбургского театра, особенно
врезалась в память эта мертвен-
ная маска, надменный лик князя
тмы. Не беса, а именно князя,
аристократа преисподней, глущо-
ко презирающего смертных, бес-
попадного...

В жизни режиссер и актер Гу-
став Грюндгенс, разумеется, не
столь неумолим. Он любезно со-
гласился накануне своего отъез-
да побеседовать с нашим кор-
респондентом. Что-то «мефисто-
фельское» в его гибких, пластич-
ных жестах во время беседы все
же сказывалось — оттого ли, что
он так вжился в эту роль, кото-
рую исполняет уже почти трид-
цать лет. Оттого ли, что он и в
тот вечер готовился в ней высту-
пать... Или это только показало-
сь?

Грюндгенс сообщил, что и у
него, и у других артистов театр
осталось хорошее впечатле-
ние от дружественной атмосфе-
ры встреч, от теплого приема
зрительного зала. У них такое
чувство, что гастроль прошла
удачно. Особенно удивляло
Грюндгенса тонкое и умное вос-
приятие иронии в «Фаусте»; она,
по его словам, доходила до на-
шей публики едва ли не лучше,
чем до немецкой. Критики, на-
против, поразили его чрезвычай-
ной серьезностью разбора «Фау-
ста». — Они подошли к трагедии
еще серьезнее, чем я сам, — шу-
тливо заметил он. Некоторые вы-
сказывания печати показались
ему очень интересными, и он
признает их резонными даже
там, где не согласен с ними.

Режиссеру хотелось, по его
словам, придать своей постановке
«Фауста» легкость — легкость,
родственную полету Мефистофе-
ля с Фаустом на красном плаще
беса. Излишне было спрашивать
— он, несомненно, понимал, как
трудно, почти невозможно со-
хранить при этом и всю глубину
смысла трагедии Гете.

Беседа с «Мефистофелем»

Фауста Грюндгенс не намере-
вался показать как «сверхчело-
века» или как гения. Для него
Фауст — не исключение, а тип,
человек, охваченный стремлени-
ем испытать до дна соблазны и ра-
дости жизни, любовь и власть.
Между чертом и Фаустом, по
мнению режиссера, нет никакой
борьбы. В Фаусте борются «две
души», а Мефистофель борется с
богом — и только с богом. Для
Мефистофеля Фауст сам по себе
не представлял бы никакого ин-
тереса — это человек, каких бес-
считали уже тысячи. Только
спор с богом побудил Мефисто-
феля заняться именно им, ра-
ди игры, ради того, чтобы выиг-
рать свое «пари» о душе Фауста.

Говоря о Фаусте, Грюндгенс
подходил к нему главным обра-
зом с точки зрения Мефистофе-
ля, и, видимо, этот же подход в
какой-то мере сказался и на ре-
жиссерской трактовке «Фауста».
Правда, на вопрос, намеренно
ли в спектакле Мефистофелю
дается такой перевес над Фау-
стом, Грюндгенс ответил, что
это не входило в его намерения
и явилось, возможно, результа-
том его увлечения. Но слова об
«увлечении» звучат мало убеди-
тельно в устах многоопытного и
талантливого режиссера, и вто-
ростепенность роли Фауста опре-
делается, вероятно, самой кон-
цепцией Грюндгенса. Ведь если
Фауст только объект игры Ме-
фистофеля, то ему легко и ока-
заться игрушкой в руках беса,
а именно так иногда выглядело
«соотношение сил» в спектакле.

Дальнейшие объяснения ре-
жиссера усилили впечатление
«мефистофельской» концепции.

— Я лично считаю, — сказал он,
— что Мефистофель выигрывает
свое пари с богом и во второй ча-
сти трагедии, а в первой и подав-
но. Ведь и во второй части перед
самым концом Фауст упоен вла-
стью, своей властью. И мои ле-
муры тащат его в ад. Но тут
вмешивается бог и обманным

трюком отнимает
у меня Фауста.
Я говорю, конеч-
но, с точки зре-
ния Мефистофеля, — оговорил-
ся Грюндгенс, — от Мефистофе-
ля нельзя требовать, чтобы он
понимал действия бога.

Нельзя, разумеется, отождес-
твлять эту концепцию роли с
взглядами самого Грюндгенса.
Но и сам он не считает «Фауста»
оптимистической трагедией —
это один из пунктов, в котором
он не согласен с нашими крити-
ками. Для нас оптимизм «Фау-
ста» заключен, конечно, не в аб-
страктной победе бога над чер-
том, а в победе лучшего, чело-
вечного в самом Фаусте: в конце
второй части он находит радость
в делах на общее благо, в борьбе
за жизнь и свободу.

Краткая беседа не давала воз-
можности подробнее выяснить,
чем обосновывает Г. Грюндгенс
свое пессимистическое толкова-
ние великого творения Гете. Это,
вероятно, достаточно сложный
вопрос. Но как бы там ни было,
этот пессимизм вместе с домини-
рующей ролью Мефистофеля,
несомненно, определил ту атмо-
сферу всеядия зла, которой был
пронизан показанный у нас
спектакль.

Густав Грюндгенс выразил со-
жаление, что ему не довелось
основательнее побеседовать о
«Фаусте» с некоторыми из на-
ших критиков. Надо думать, что
дальнейшее развитие культурно-
го обмена между нашими госу-
дарствами еще предоставит та-
кую возможность. Творческое со-
беседование такого рода, вероят-
но, оказалось бы очень интерес-
ным и, может быть, плодотвор-
ным.

Е. ЛИПИНСКАЯ.

Информация К 7-56-67 и К 7-40-71; отдел театра К 7-97-64; отдел музыки
и балета К 7-18-10; отдел издательств, полиграфии и книоторговли
К 7-18-23; отдел профсоюзной бухгалтерии К 7-97-

Советская культура

г. Москва

29 ДЕК 1950